

ГОСТЬ

МИХАИЛ СМИРНОВ

(Россия)

РАССКАЗЫ

Крепкая нить

– На пригорке притормози, – сказал Иван Носков. – Дальше пешком доберусь.
– Далеко же ещё, – буркнул небритый шофёр в замусоленной спецовке, но нажал на тормоз, и машина остановилась. – Я бы на повороте высадил, всё ближе шагать.

– Нет, спасибо, – отмахнулся Иван и выбрался из кабины. – Давно не был в этих краях. Сюда дольше добирался, а пройти пешком час-два – это уже мелочи.

– Ну, как знаешь, а то бы я... – шофёр нажал на газ, и машина, громыхая расхлябанными бортами, потащила по разбитой дороге.

Иван махнул рукой вслед и с любопытством осмотрелся. Давно не был в этих краях, очень давно. Как увезли его в далёком детстве, с той поры не появлялся. Свободного времени не нашлось, чтобы проведать родные места, где родился, в школу пошёл, но не успел доучиться. Мать увезла его в город, и началась городская жизнь. Большая школа, как ему показалось. Много новых друзей. Огромный город, где можно часами бродить по улицам, а если зайти в музей, вообще о времени забывается, и на фоне всего этого нового как-то незаметно стала теряться далёкая деревня, а вместе с ней и детство, проведённое там, и всё, что было в его прошлом. После школы была служба в армии. А вернулся, недолго гулял. Женился. Детишки родились. В общем, всё, как обычно. Повседневные заботы-хлопоты, за которыми всё исчезает, и прошлое – тоже. Хорошо, если сам не пропадёшь. Правда, Иван себя не потерял. Многого в жизни добился – это заслуга супруги. Она заставила его учиться, сама с детьми нянькалась, когда он вечерами корпел над заданиями. Со всех сторон оградил, лишь бы он выучился. Иван одолел институт, на другую работу перешёл. Хорошая работа. А со временем пришли почёт и уважение. Дети радовали. На ноги поставили. Два сына по его стопам пошли. После института устроились на завод. Хорошие мастера, как про них говорили. Иван радовался. Дочка вышла замуж и живёт припеваючи. Уже внук бегаёт. Шустрый! И получается, что жизнь удалась, но промелькнула, и не успел заметить. Оглянись, хорошая жизнь была. А стоило ему заглянуть подальше, в само детство и юность, которые прошли в деревне, и оказалось, многое стал забывать. Проходит время, и всё стирается из памяти. И стёрлось бы, оставив лишь небольшой след в документах, где он родился, если бы деревня не стала напоминать о себе и обо всём, что с ней связано...

С недавних пор деревня стала сниться. Редкий раз вспоминал про неё, а ещё реже, что родился там. Друзей деревенских вообще не помнил. Так, какие-то смазанные расплывчатые лица, неразборчивые голоса, имена стандартные: Ванька, Колька, Галька, Петька, а кто из них – кто, он не помнил. Общая картина детства и не более того. Сидел, что-то в памяти перебирал, когда деревня стала сниться, и оказалось, даже бабушку Нину стал забывать. Она была невысокая, всегда в тёплом платке, одежда балахонистая, а лицо стёрлось из памяти. Что-то мелькало в голове, а воедино собрать образ не получалось. Зато деда Николая не забыл. Колоритный старик. Взглянешь, словно из сказки или старины явился. Высокий, широкоплечий,

длинные волосы, седая борода по пояс, рубаха расстёгнута, на груди вьётся шнурок с простым крестиком, штаны в сапоги заправлены и голос словно труба иерихонская. Его так и называли в деревне – Трубач. На одном конце деревни рывкнет, а на другом слышно было. В деревне деда уважали и к советам прислушивались. Попусту не говорил, а если что-либо посоветовал, всё сбывалось. Серьёзный старик был, дошный. Со всеми общий язык находил, а с родной дочерью не справился. Разругались в пух и прах. Как говорят, нашла коса на камень. Он вгорячах упрекнул, что одного байстрюка в подоле принесла и снова принялась хвостом юлить, и гляди второго притащит, когда сказали, будто видели её с командировочным шофёром, как они в кабине миловались. Не стал разбираться. Упрекнул дочь, а потом до конца дней своих корил себя, что не удержался, а дочка взбеленилась. Сказала, что без них проживёт и уедет в город свою жизнь налаживать. Дед промолчал, а бабка заплакала, что внука хотят увезти, но не стала вмешиваться. Старик и дочка с характерами, как бы самой под горячую руку не попасть. И осталась в стороне. Мать подхватила Ивана и укатила в город. Потом ещё несколько раз приезжала в деревню. Документы забирала, вещи, но не задерживалась. Старалась одним днём побывать. И, сухо распрощавшись с родителями, возвращалась в город. Ни разу к себе в гости не позвала. Принялась личную жизнь устраивать, если это можно было так назвать. То один мужик появится, то другой, а там пятый и десятый, но для Ивана все были на одно лицо. Он хмурился, но с матерью не спорил. Жалел её, что ей в жизни не везёт и поэтому мужики в доме не задерживаются. Некоторые пытались воспитывать его, даже прикрикивали и кулаком по столу стучали, а мать не заступалась за него, и тогда Иван уходил из дома. До ночи шлялся по улицам или сидел у друзей, а возвращался, мать снова начинала жаловаться на неустроенную жизнь, что без мужского крепкого плеча тяжело слабой и беззащитной женщине, и Иван прощал её. Жалел. Может, правда, матери не повезло в жизни – он не знал, да и не вникал особенно. Ему казалось, что взрослая жизнь, если посмотреть на жизнь матери, – это враньё и кулаки на первом месте, где грызутся, как собаки, где главенствует сила, а всё остальное – это мелочи. И поэтому он опасался взрослой жизни, но в то же время хотел, чтобы она побыстрее наступила, и тогда он станет жить по-другому, не как мать, а у него будет своя жизнь, куда никого не пустит и свою семью не даст в обиду...

После смерти деда и бабушки, а они ушли друг за другом, мать с Иваном съездили в деревню. Побывали на кладбище. Мать плакала на могилках, прощения у них просила, у родителей своих. Сильно убивалась, но старалась виду не показывать. Потом поднялась. Глаза сухие и какие-то острые, всё смотрела на могилки, вроде что-то сказать хотела, но не решилась. Не захотела жить в деревне, постояльцев пустила, чтобы за домом присматривали, а сами в город вернулись. Иван не задумывался, почему мать перестала в деревню ездить. Всё мимо него прошло. Не задело его. А может, молодым был и бестолковым и не захотел разбираться, почему взрослые ругаются, а пошёл своей дорогой в жизни. И прошлое выбросил из головы. Думал, что навсегда, но оказалось, прошлое возвращается. И не только напоминает, но и тянет к себе, словно они были крепкой нитью связаны и с каждым днём сильнее и сильнее...

Иван не удержался. Захотелось взглянуть на деревню, где он родился. Всё же малая родина, как говорится. Малая родина, можно сказать – это всего лишь маленькая частичка, то местечко, где родился человек, но оказалось, что в эту частичку столько вложено неведомой силы, что смогла напомнить о себе через многие и многие годы. Иван не удержался. Собравшись, он отправился туда. Захотелось взглянуть, что с деревней стало. Кто в ней живёт, да и живут ли вообще. А может, остались одни лишь могилки, да и те сравнялись с землей, потому что ездить некому, а у него времени не было. И сможет ли найти могилы деда и бабушки – он не знал. Так получилось, жизнь прожил, а только сейчас выкроил время, чтобы побывать в родной деревне...

Он постоял, осматриваясь. Давно не был. Всё вокруг изменилось. Дорога, по которой раньше грузовики сновали туда-сюда, почти заросла травой. Видно, в эту сторону редко ездят. А раньше, как помнил, сюда автобусы ездили. И можно было из райцентра добраться. А сегодня приехал. Сунулся было на автовокзал, а кассирша удивлённо взглянула – нет такой деревни в районе. Как нет, если я родился там? Иван возмутился, а потом поник и вышел на улицу. Видать, и правда, исчезла деревня, и люди стали забывать, что она была, что в ней жили люди. Он поднялся в гору, туда, где был перекрёсток, и долго стоял в ожидании попутки, а когда машина затормозила, он обрадовался, но в то же время на душе появилась грусть. Он едет в своё прошлое, в свою деревню, от которой и названия-то не осталось, кроме маленькой пометки в паспорте, где родился...

Он продолжал стоять на обочине и осматривался. Кажется, и там была деревня. Да-да, точно была! Правда, название забыл. Он взглянул на далёкий лесок. Деревня стояла на опушке, огородами спускаясь к реке, а теперь ничего: ни домов, ни огородов, ни людей – тем более. Исчезла деревня. А что его ждёт в родной деревне, он не знал. Зачем туда поехал, не мог себе объяснить. Наверное, хотел со своей душой разобраться, почему его тянет в давно забытую деревню, а заодно взглянуть, если от неё что-то осталось, или на место, где она была. Посмотреть и подумать. Посидеть и вспомнить деревню, людей, кто жил в ней, своего деда и бабушку, да вообще о жизни подумать. Поэтому приехал...

Иван долго смотрел по сторонам, прислушиваясь. А потом неторопливо направился по заросшей колее в сторону тёмного ельника. За ним виднелись зелёные кроны берёз. Там, в той стороне была его деревня или то, что от неё осталось. Он шагал по разбитой колее, а потом решил срезать путь, потому что дорога вела в окружную и пришлось бы часа три топтать до деревни. Иван свернул с дороги и направился через берёзовый лес. Светло в нём, просторно. Вроде густой лес, а взглянешь, и в глазах светло становится. Солнечный луч пробьётся через кроны, и вспыхнули берёзки, засияли. Пронёсся ветер над головой. Зашумели кроны. Загудели птицы на ветвях и тут же умолкли. Иван задрал голову. Так и есть. Коршун кружит над ним. Поэтому птицы напугались. Притихли. Ждут, когда коршун улетит. Но он продолжал медленно кружиться над лесом, высматривая добычу. Он стал хозяином округа.

Выбравшись на опушку леса, Иван остановился. Присел на поваленное дерево. Закурил. Почему-то сердце сжалось, когда увидел среди деревьев и кустов редкие заброшенные избы. Всё же надеялся, что не умерла деревня. Верил, хоть кто-нибудь, но живёт в ней. Но было видно по старым избам, деревня умирает. Там и сям среди кустов и деревьев выглядывали крыши. Некоторые провалились, и наружу торчали стропила, словно рёбра неведомого чудовища, а кое-где виднелись печные трубы. Иван прищурился, всматриваясь вдаль. А там, кажется, был деревенский клуб, если память не изменяет, а теперь пустырь. С этого места, где сидел Иван, виднелась река, её легко различить по кустам, которые разрослись по извилистым берегам. Вон они тянутся! Раньше бегали купаться с ребятами, а теперь некому... Он прислушался, словно хотел услышать крики ребят, мычание коров и звонкие голоса петухов, такие привычные деревенские звуки, которых, как оказывается, так не хватало в его суматошной городской жизни. Но вокруг были запустение, необжитость, и стояла тишина, лишь изредка ветер пронёсся по кронам деревьев. Осмотрелся. Крапива и репейник повсюду вымахали. Хозяевами стали. Всю округу заполнили. Умирает деревня.

Поглядывая под ноги, Иван стал спускаться с пригорка к деревне, от которой осталось всего с десятка полтора дворов, а может, и поменьше. Приостановился возле разрушенного крайнего дома. С недоумением осмотрелся, вспоминая, какой была деревня, и нахмурился, увидев, что от неё осталось. Постоянно оглядываясь, он медленно направился к дальнему дому, что виднелся среди деревьев. Кажется, там они

жили... Едва заметная колея, а раньше через деревню проходила дорога. Повсюду трава и сорняки. Они чувствуют себя вольготно. Их время пришло. Всё больше и больше захватывают территорию. И не успеешь оглянуться, вымахает вездесущая крапива, заполонит округу, скрывая в непролазных зарослях трубы печные да брёвна гнилые, и лишь она будет напоминать случайным людям, что здесь была деревня, потому что крапива растёт лишь в тех местах, где живёт или проживал человек...

Иван остановился возле прогнивших поваленных ворот. Вроде ничего не изменилось во дворе. Постояльцы много лет прожили, но всё осталось по-прежнему. Потом ещё какие-то были постояльцы. Но и они не переломились. Спасибо, что за домом присматривали, а то бы давно развалился. За последние годы деревня полностью опустела. Люди ушли, кто в город перебрался, а кто на погосте лежит, и дома стали умирать. Умрёт последняя изба, и деревня исчезнет. Хорошо, если останется в памяти людской, но может и так случиться, что некому будет вспоминать...

Двор в запустении. Забора давно нет, лишь кое-где столбы видны. Штакетника не видно.. Может, сгнил за годы одиночества, а может, последние жители на дрова пустили. Зимы долгие, суровые. Сарай накренился. Нашёлся добрый человек, слегка подпёр, а то бы давно рухнул. Дом ещё стоит, а крыша прохудилась. Правду дед говорил, будто дом простоит лет двести, а может, и поболее того. Другие в развалины превратились, а его – стоит. Пусть не такой, как раньше был, но всё же. Он стал приземистым и каким-то маленьким, словно игрушечный, а раньше, как Ивану казалось, дом был огромным и высоченным. В том далёком детстве Иван умудрился забраться на конёк крыши. Собирался с неё сигануть. С мальчишками поспорил, что не испугается. Залез, глянул, и поджилки затряслись. Снизу смотришь, кажется, ерунда, а сверху глянул, и страшно стало. Так и лежал на крыше, распластавшись, как лягушка, пока дед не появился. Бабушка Нина за ним бегала. Испугалась, когда Ивана увидела. Крикнула, чтобы крепче держался, а сама припустилась за дедом. Он пришёл. Походил возле дома, поворчал что-то под нос, взглянул на Ивана, который лежал, раскорячившись, и расхохотался. Громко, на всю деревню! Иван растерялся, услышав смех. Он думал, что дедушка Коля начнёт ругаться, а тот стоял посреди двора, хлопал ручищами по коленям и во всё горло хохотал. К нему и бабушка присоединилась. Тоненько смеялась, всё слезы утирала. Иван смотрел на них, смотрел и тоже залился, а до этого даже боялся шевельнуться. Дед подошёл к дому, покосился на мальчишек, которые прятались в кустах, и крикнул Ивану, мол, ничего не бойся, покажи своим друзьям, какой ты храбрый, не посрами деда, и велел прыгать. И что удивительно, Иван поднялся, балансируя, постоял на краю крыши, оглянулся на ребят, которые были на другой стороне улицы, и смело шагнул вниз. Сердце зашлось, когда полетел, но в последний момент старик подставил руки и поймал его. Дед Николай нахмурился, глаза скрылись за густыми бровями, хотел было наказать, даже руку отвёл, чтобы шлёпнуть посильнее, но, заметив испуганный взгляд, закричал, опустил его на землю, погрозил пальцем, хотел было что-то сказать, но укоризненно покачал головой, махнул рукой и ушёл в избу. Спустя годы, случайно вспомнив этот случай, Иван понял, что старик испугался, что он разобьётся, и стал отвлекать и смеяться, лишь бы он не сорвался. Дед испугался, но виду не подал, а бабка, когда он спрыгнул, сидела на крыльце и тоненько плакала...

Иван взглянул на конёк крыши. Сейчас дом казался небольшим, не то, что раньше. А может, он в землю вырастает. Да, скорее всего так... Завалинка была высокая, даже деду приходилось опираться, чтобы на неё сесть, а сейчас окна почти вровень с землёй. Ещё немного, и они скроются. Ставни распахнуты. Одна створка среди травы виднеется. Кое-где не хватает стёкол. Может, вытащили, а может, выбили. Теперь стоит дом и пустыми глазницами упирается в небо. Взглянул на дверь. Замок. Неужели, как съехали последние постояльцы, в доме никто не был. Почему же... Они же с матерью приезжали! Правда, Иван не заходил в дом, по двору шлялся и на

крыльце дожидался, когда мать выйдет, да ещё ворчал, что она задержалась. Мать стояла, а глаза заплаканные. Наверное, с домом прощалась. Окликнула его, вышли на улицу, она оглянулась на дом, долго смотрела на него, может, хотела вернуться, а может, запоминала и потом направилась в сторону дороги. И с той поры они ни разу не были в деревне.

Он стоял посреди двора и крутил головой, осматривая деревню. Кое-где, среди зарослей и деревьев видны дома. Некоторые смотрелись получше, посохранинее, так сказать, а другие не выдержали одиночества. Просели крыши, там торчат стропила, а здесь стоит дом с выбитыми стёклами и двери нараспашку. Наверное, чужаки бьют. Может, хотят себя найти, но не получается, вот они и идут от одной деревни к другой, от города к городу и так всю жизнь. Может, искатели заглядывали. Много развелось этих искателей. Да что тут найдёшь? Что лежало, всё мышами погрызено и в труху превратилось. А они приезжают, выбивают двери, заходят в дома и начинают в них хозяйничать. Всё перетряхнут, повытаскивают, что можно увезти и продать. Пусть бы ходили, лишь бы не пакостили, лишь бы костры не жгли. Не успеешь оглянуться, и нет её, деревни-то. Сгорела, одни головёшки остались. И так деревенские пожары полыхают повсюду. Уходят люди, а следом исчезают деревни. Пройдёт немного времени, и сотрётся из памяти людской, что здесь была деревня и жили люди. Да, были селения, а теперь пустыри повсюду... И даже странно видеть на дедовском доме замок, наверное, стороной обходили его, словно опасались зайти. Вдруг рассердится старик и...

Иван подошёл к дому. Раскинул руки и крепко прижался к нему, словно обнять хотел. Долго стоял, не шелохнувшись. Пыль пахнуло, плесенью и запустением. Ветра на улице не было, но вдруг скрипнули ставни, словно поздоровались. И вдруг Иван заговорил: быстро, бессвязно и непонятно. Со стороны можно подумать, что пьяный бормочет, уткнувшись головой в стену, а Иван стоял и торопливо говорил, словно хотел выговориться за долгие годы отсутствия. А потом замолчал. Постоял. Снова оглянулся. Потом присел на едва живом крыльце, закурил и стал затягиваться: быстро, густо и тоскливо...

Иван долго сидел, о чём-то думая, потом поднялся. Обошёл дом. Заглянул в мутные грязные окна. На улице светло, а там – словно вечерние сумерки. Он прищурился, пытаясь разобрать, что находится в доме, но ничего не видно. Добравшись до крыльца, осторожно поднялся по прогнившим ступеням. Медленно подошёл к двери, подёргал висевший замок, хотел было уйти, но тут вспомнил, почему-то всплыло в памяти, куда дед Николай или бабушка убрали ключ, если надолго уходили из дома. Так было принято в деревне. Оставляли ключ, не опасаясь, что кто-нибудь залезет в дом. Иван торопливо сунул руку в узкую щель над дверью и вскоре среди всякого мусора нащупал ключ. Показалось, будто для него оставили, словно знали, что он появится. Обрадовался. Покрутил в руках заржавленный ключ, рассматривая, а потом ткнул его в замочную скважину и принялся вертеть во все стороны, пытаясь открыть. Долго простоял возле двери. Уж было отчаялся, сколько лет прошло, когда замок в последний раз открывали, но тут словно кто-то помог, и он почувствовал, как ключ со скрежетом медленно провернулся, и дужка едва сдвинулась с места. Иван принялся дёргать дужку замка. Потом спустился. Взял камень, несколько раз ударил по замку, и проржавевшая дужка выскочила наружу. Иван скинул щеколду, толкнул рассыпшуюся дверь, визгливо заскрипела она, открываясь, и Иван шагнул в серо-тёмный сумрак веранды...

Даже сейчас веранда казалась огромной. Дед под свой рост делал её, как и двери в родном доме. Говорил, что не собирается каждый раз лоб расшибать о прилоку. И прорубил, хоть бегом бегай. Иван мотнул головой, поражаясь. Гляди ж ты, память вытаскивает наружу то, что давно забыто-перезабыто, как ему казалось. А сейчас вспомнил. Удивлённо покачивая головой, Иван остановился на веранде. Возле

двери была вешалка. Несколько здоровенных гвоздей вбито в стену, а над ними полка – это Иван сделал на уроках труда. Гляди ж ты, сохранилась! Какая-то тряпка свешивается с неё. На одном гвозде висит чья-то кацавейка, внизу – сморщенные опорки, и почему-то стоял стакан, а рядом валялась шапка, покрытая толстым слоем пыли и вся в паутине. Иван поднял её, стряхнул, и закружилось облако пыли в тонких лучах света, а потом повесил на свободный гвоздь. В дальнем углу кучей навалено разное тряпье, обрывки веревок висят с потолка. Там бабушка Нина бельё сушила, если на улице были дожди. Возле окна большой стол и две скамьи вдоль стен. Летом, когда на улице было тепло, всегда кушали на веранде, и когда гости приезжали, всех за этот стол усаживали. Гляди ж ты, тоже сохранился!

Иван шагнул и ногой зацепил какую-то коробку, которая лежала возле ножки стола. Что-то выпало и прокатилось по грязному щелястому полу. Иван наклонился, поднял старое шило. Это шило деда Николая. Он был мастером на все руки. Со всей деревни приносили старую обувь, чтобы подлатал или подшил, а ближе к зиме приходили с валенками. И тогда дед Николай доставал суровые нитки, натирал их варом, но чаще вытаскивал большой кусок гудрона и натирал, а потом брался за шило и долгими вечерами просиживал в уголке, склонившись над дырявой обувью. А Иван, дождавшись, когда старик отвернётся или отвлечётся, пытался чуточку откусить от гудрона, и, если удавалось, он бежал на улицу, хватался перед друзьями и сплёвывал через щербинку, гордо поглядывая на ребят.

Иван вздохнул. Да, хорошие были времена. И правда были, а он забыл, но теперь, когда приехал в деревню, память то и дело возвращает в далёкое прошлое, когда ещё были живы дед с бабушкой и они с матерью жили в этом доме, где он родился, где прошло его детство...

– Ванюша, внучек, кушать пора, – сказала бабушка Нина и загремела чугуном. – Чать проголодался...

– Захочет – поест, а насильно не заставляй, – недовольно сказала мать. – Недавно обедали, а ты снова его пичкаешь. Пусть уроки учит!

– Ну, что вы разгалделись, как сороки? – забасил дед, распахнув дверь. – На улице слышно. А ты, Катька, попридержи язык. Как с матерью разговариваешь? Ей слово, а она два в ответ. Гляди у меня, живо насыплю по первое число. Ишь, взрослой себя почуяла! Ванька, живо за стол, а потом мне поможешь. Скворечни будем делать. Соседи попросили...

Иван невольно оглянулся. Почудилось, что голос деда рядышком прозвучал и так явственно, аж не по себе стало. Они частенько занимались скворечниками. У деда Николая в сарае был закуток, где стоял верстак, а на стене висели всякие инструменты, но Ивану нравилась лучковая пила. Название-то какое вкусное – лук, лучок! И он не мог понять, почему так называли эту пилу, а дед посмеивался, говорил, что не от лука, который на огороде растёт, а от другого лука, где тетиву натягивают, и на этой пиле закручивают верёвку, чтобы полотно натянулось и стало жёстким и твёрдым, тогда и пилить легче. А ему всё равно казалось, что название произошло от огородного лука. Гляди ж ты, опять память вывернула давно забытые воспоминания. Дед приучал его к работе. Всегда, когда нужно было что-нибудь сделать, старик брал внука с собой. Иван, гордо поглядывая по сторонам, неспешно шагал за ним. Мол, глядите, я ж у деда Николая самый главный помощник! Наверное, так и было. И скворечники делали, и забор латали, и по крыше лазили, заплатки ставили, как дед говорил, чтобы она не протекала, даже полы помогал перестилать. Пусть на подхвате был, но помогал же, а не бездельничал. И он гордился этим...

А бабушка возилась на кухне, на огороде копалась на грядках да стирала бельё в бане. Дела всегда были. В деревне не посидишь, тем более что бабушка не любила попусту время тратить. Всегда чем-нибудь занималась. Иван вспомнил про стиральную доску. Когда бабушка стирала, он прибежал в баню и уговаривал, чтобы

разрешила с доски прокатиться, как с горки, но она не давала. Ворчала, что ломает. И всё гнала его оттуда, чтобы под ногами не путался. Это он помнил, как ни странно, а вот её лицо позабыл. Общие черты, и всё на этом... А деда не забыл. Скорее всего, потому что чаще с ним был, чем дома сидел. Ивану интересно было с дедом. Он много рассказывал. Про жизнь говорил, про своих родителей, как раньше жили, чем занимались. А вот про войну не любил вспоминать. Сколько раз Иван просил рассказать, дед нахмурится и молчок. Ни слова не выдавишь. Лишь со слов бабушки знал, да на ордена и медали смотрел, когда деда дома не было. А ещё запомнил, как дед доски строгал. Посадит его в уголок на старый чурбак, чтобы не мешался, сам доску положит на верстак и начинает стругать, только и слышно: вжик, вжик, вжик, и из-под фуганка, закручиваясь в кольца, ползла стружка. Дед весь в стружке, даже борода была облеплена. Иван поднимет колечко, а от него смолой пахнет...

Казалось бы, память всё больше и больше открывает то, что он давно позабыл. И сейчас, по прошествии многих лет, начинает вспоминаться далёкое детство, о котором уж думать забыл, потому что вспоминать времени не было. У него было обычное детство, как у других ребят. Может, в чём-то похуже, а в другом немного лучше. Единственный внук, которого держали в строгости, но в то же время старались исподтишка побаловать. То бабушка что-нибудь сунет, то дед с работы вернётся и тоже что-нибудь в карман положит и всё будто невзначай, словно так и должно быть. А когда в город перебрались, тяжелоатно пришлось. Правда, к школе быстро привык, как и к новым друзьям. Это не деревня, где друг друга знают. А в городе столько людей, столько всего интересного вокруг, аж глаза разбегались. И в секции ходил, и в кружки записывался, где только ни был, с кем только ни встречался, а вот домой не торопился. Опять там очередной ухажёр или муж, как мать называла, снова приходилось слушать перебранку, а бывало, до криков доходило. И если очередной муж бросал мать, она умирала. Возвращалась с работы и напрямик отправлялась на диван, весь вечер всхлипывала и слёзы вытирала. И тогда наступали голодные дни. Да ещё мать начинала придирается по пустякам. Наверное, зло срывала, что из-за него не может устроить личную жизнь. Обузой считала. Не говорила, но это было видно. Когда его забрали в армию, Иван облегчённо вздохнул, словно груз сбросил с души. И служилось легко. Даже на дембель не хотел уходить. Уж подумывал, чтобы в армии остаться, но пришло письмо, где мать сообщала, что она собирается замуж и хочет уехать на родину мужа. Ивану пришлось возвращаться домой. Дома были мать и её очередной муж. Мать расписалась с мужиком. Расписались, а через неделю уехали, оставив Ивана в пустой квартире. Больше мать не приезжала и к себе не звала. Ссылалась на занятость, на семью и новые заботы. Редкие письма или открытки, ещё реже звонки. Говорила, что хорошо живёт, да голос нерадостный был. И с каждым годом всё реже и реже стала весточки присылать, а когда узнала, что Иван женился, что уже детишки бегают, что она стала бабушкой, – это матери не понравилось. Резко ответила, что ещё молода, чтобы бабкой становиться. Наверное, обиделась. А вскоре вообще перестала писать. Сколько он писем отправил, сколько звонил, всё бесполезно. Если пришлёт открытку раз в год на праздник – это был праздник, а звонок, как красный день календаря. У неё была своя жизнь, в которой Ивану и его семье не нашлось места...

Вздыхнув, Иван распахнул дверь и зашёл в избу. Справа печь. Ободранная, один угол развалился. Заслонка на полу, рядом чугунок стоит, а в углу банка под толстым слоем пыли и в паутине. Крышка подпола сгнила, да и сам подпол обвалился. Застывшие ходики на стене. Он помнит эти часы. Дед заводил их, а ему запрещал подходить, потому что боялся, что ломает. А Ивану так и хотелось подёргать за гирьки. Иногда, если не видели, он чуточку подтягивал одну гирьку или раскачивал, а сам прислушивался, не слышит ли дед. В горнице пусто. В углу железная кровать стоит. Даже странно, почему её не утащили. Может, тяжёлая, а может, никому

не приглянулась. Рядом с изголовьем табуретка, а вторая – посреди горницы. Пустая этажерка в простенке, а над ней картинка из журнала. Щелястый стол возле ободранной стены, на нём блюдце и ещё какая-то посуда. Всё грязное, в углу тенёта висят, полы вообще чернущие, а он помнил, как бабушка с косырем ползала по нему и скоблила добела, а потом ополоснёт водой, и запах стоит свежий, смоляной. Сколько раз хотели покрасить полы, чтобы не мучиться, она отказывалась. Всегда говорила, что в доме должен быть чистый дух и от полов – тоже...

Долго Иван пробыл в доме. Сидел, смотрел по сторонам и вспоминал далёкое детство, а потом вышел на улицу. Прошёлся по двору. Дверь в сарай не рискнул открывать. Слишком он накренился. Казалось, тронь его, и он рассыплется. Постоял возле полуразвалившейся бани. Всё заросло чертополохом и крапивой. Где огороды тянутся к речке, там сплошь трава, сорняки да островками кусты разрослись. Пройдёт немного времени, и всё исчезнет. Развалится последняя изба, и деревня исчезнет, оставшись лишь в памяти людской. А вскоре вообще никто не вспомнит, что здесь была деревня, что тут жизнь кипела, а сейчас умерла...

– Э, мужик, что шляешься по чужому двору? – раздался грубый окрик, и Иван вздрогнул от неожиданности. – Высматриваешь, чем поживиться? Марш отсюда, пока салазки в другую сторону не завернул! Ишь, шляются, никакого покоя от них нет. Того и гляди подпалят деревню.

Иван повернулся. Возле поваленных ворот стоял крепкий мужик, а неподалёку виднелась старенькая машина. И шума-то не было, что машина подъехала, а может, Иван просто задумался и не заметил, когда появился незнакомец.

– Я по своему двору хожу, – не обращая внимания на грубый окрик, сказал Иван и направился к крыльцу, а потом ткнул пальцем в дом. – Я здесь раньше жил. Вот решил проведать. Родина, как-никак...

– Не помню, чтобы такие жили, – мужик задумчиво посмотрел на него. – Я в этой деревне вырос, но тебя не помню. Здесь Кулибины обитали, потом Костровы – тётка Валя и дядька Устин, кто-то ещё был в постояльцах, когда я в армию ушёл, а потом дом забросили. Нет, не помню тебя...

Он снова взглянул и покачал головой.

– А ещё Антоновы проживали, – вдруг заторопился Иван. – Дед Николай и бабушка Нина ставили этот дом... – он запнулся, а потом снова заторопился. – Дедушка Коля с бородой был. Здоровенная бородаща, а голос, как труба...

– А, Трубач, что ли? – вскинул густые брови мужик и махнул рукой. – Знал его, знал... Да его каждая собака в округе знала, а вот тебя не помню...

Снова сказал он и пожал плечами.

– Мы в город переехали, – неожиданно поник Иван, подошёл к крыльцу и уселся рядом с сумкой. – Здесь родился и в школе учился, а потом в город перебрались. А сейчас решил приехать, на свою родину посмотреть...

– Слишком долго добирался до своей родины, – не удержался, съязвил мужик, достал сигареты и запыхал. – Видать, времени не находилось, чтобы родного деда проведать, пока живой был, а потом и на могилке побывать. Они заняты!

С сарказмом сказал мужик.

– Не нужно меня упрекать, – нахмурившись, возмутился Иван. – Меня несмышлёнышем увезли. Новые места, новые люди. И вся жизнь по-другому пошла. А в городе жизнь суетная да быстрая. Вот и закрутился. Новые друзья появились, учёба, потом армия и женитьба. Детишки родились. На ноги ставили. Не успел оглянуться, а жизнь-то уже позади. Промелькнула она – эта жизнь, и не заметил её, не почувствовал. А вот сюда приехал, и словно память стала оживать. Что давным-давно позабыл, сейчас начинает всплывать. Что удивительно, помню до мелочей, оказывается.

Он сидел и говорил обо всём, что наболело. Душу облегал перед чужим че-

ловеком. Рассказывал то, о чём бы никогда близким не стал говорить, а этому чужаку доверился. И мужик примолк. Рядышком присел на крыльце и внимательно слушал его, словно тоже в далёкое прошлое возвращался, а может, и правда там побывал.

– Я слышал про вашу семью, – неожиданно сказал он. – Всякое болтали, уж не помню. Мы в деревню перебрались, когда вас уже не было. У отца здесь брат и тётка жили. Вот к ним и подались. Ребята говорили про тебя, если не ошибаюсь. Это ж ты с крыши сиганул, да? – он взглянул на Ивана, а тот кивнул головой и снова взгляд в пол. – Ну, правильно – ты! Пацаны думали, что разобьёшься, а ты шагнул, как со ступеньки. Не испугался. Молодец! А я бы так не смог – кишка тонка. И скворечни деда Николая помню. У нас парочка висела. Да у многих в деревне были его скворечни. И ни один пустым не простоял. Всегда птицы заселялись, а кто свои вешал, у тех пустовали. Не иначе, дед Николай что-нибудь нашёптывал, когда мастерил. Слова заветные знал. Хороший старик был... – а потом добавил. – А меня Кириллом зовут.

И неожиданно замолчал, о чём-то задумавшись.

– А меня Иваном кличут. Вот и познакомилесь через много лет, хотя росли в одной деревне. Давай, выпьем, Кирилл, – предложил Иван, торопливо полез в сумку и достал бутылку водки. – Давай, выпьем за наших стариков.

И достал стакан.

Выпили. Закурили. И снова о чём-то задумались.

– Давай ещё по одной выпьем, – чуть погодя сказал Иван и потянулся к стакану. – Светлая память нашим старикам. Жаль, поздно прозрение приходит. Поздно начинаешь понимать, что в жизни теряешь.

Выпили. И опять задымили.

– А я там жил, – Кирилл ткнул в сторону реки. – Наш дом в проулке стоит. Вон, где большие берёзы виднеются! Там жили. Здесь выучился. Отсюда в армию забрали. А вернулся, решил в город податься. Несколько лет прожили, а потом поближе к дому перебрались. В соседний район переехали. И каждый выходной, каждый отпуск проводили в нашей деревне. И жена отсюда. Кононова Наталья. Может, помнишь, Иван? Светленькая такая, всё с косичками бегала. Не помнишь, говоришь... И правда, давно это было. Наверное, стёрлось из памяти.

– Я хочу на кладбище сходить, – не отвечая на вопрос, сказал Иван. – Думал, проведу дом, посижу, а потом на могилки отправлюсь. Может, разыщу, где дед с бабушкой лежат. Всего лишь раз был. Найти бы... Хотел могилки прибрать, вон и цветы супруга засунула, посидеть рядышком со стариками и поговорить с ними. В жизни не удалось это сделать, хоть там бы поговорили...

– А нет ваших могилочек-то, – неожиданно сказал Кирилл и развёл руками. – Рекой унесло. Сколько раз обращались за помощью, и бесполезно. Берег давно подмывало. А когда часть старых могилочек обрушилась, мы снова за помощью обратились, чтобы берега укрепили. И опять тишина. Пообещали, а не сделали. И каждый год понемногу уходило в реку. А в прошлом году, когда сильное половодье было, почти половина кладбища рухнула в воду. Сунулись спасать, да поздно. Течением унесло. И где теперь покоятся останки, никто не знает, только река знает. Сохранились только поздние могилки, кого последними на погост снесли. Наверное, их ждёт та же участь...

И он стал рассказывать про деревню. Про жителей, называя по именам и фамилиям, а кого по прозвищам, а Иван даже не слышал про них, а может, позабыл... Кирилл рассказывал о той жизни, про которую он не знал. Долго говорил. Изредка останавливался, чтобы закурить, а потом снова рассказывал. А Иван сидел рядышком, слушал его, сам был далёк от рассказов. У него в памяти осталась та жизнь, какую он своими глазами видел, а новую жизнь, о которой не знал, он не хотел принимать. Словно взяли и разделили пополам время – это его часть, а дальше – чужое. Там, в

его частичке была деревня, в которой он жил и учился, а что было после него – это уже другое время и чужая жизнь. Деревенская, но другая, где для него всегда бы нашлось место, а он не смог воспользоваться...

– Вот мне и приходится каждый раз приезжать в деревню, – сказал Кирилл, поплевал на окурки и бросил под ноги. – Никого уж не осталось. А понимаешь, тянет в деревню. Словно пуповиной сросся. Места себе не нахожу. Выпадет свободное время, и я тороплюсь сюда. Бывало, жену возьму или детей, но чаще один приезжаю. На кладбище заверну, посижу чуток, а потом приеду к дому, похожу по двору, на крыльце посижу, вот, как сейчас с тобой. Сам с собой поговорю, а может, с домом разговариваю – бог его знает... Всё расскажу, что на душе лежит, в дом зайду, чуток постою, печку поглажу, по стенкам рукой проведу, словно здороваюсь и тут же с ними прощаюсь, а потом выйду и домой отправляюсь, а на душе легко становится, словно тяжёлый груз сбросил. Так и мотаюсь, присматриваю за домом, лишь бы подольше простоял. Вот и получается, что каждый человек пуповиной связан с родным домом. Где бы ни был, а всё равно вернётся, вот как ты сейчас. А исчезнет деревня, и человек остаётся один-одинёшенек на белом свете. Пуповина рвётся, что ли...

И снова замолчал, поглядывая в сторону своего дома.

Иван тоже молчал, думая над его словами. А может, и правда, человек пуповиной связан с родным домом. Он жизнь прожил, редкий раз вспоминая о доме, где родился, а пришло время, и он вспомнил. Да так потянуло, хоть волком вой, хоть головой об стену бейся. И поэтому он примчался, чтобы на деревню взглянуть, на дом родной, чтобы посидеть и с ним поговорить. Да, так и есть... Приехал, аж сердце трепыхнулось. Обнял дом, прижался к нему, и показалось, что он тёплый, словно живой. А может, и правда живой, кто знает...

– Ну, ладно, Иван, будь здоров, – поднялся Кирилл. – Мне пора уезжать. Я недалеко живу, в соседнем районе. Сейчас заскочу к себе. Душа изболелась. Ну, а ты приезжай сюда, всё же родной дом. Повидаешься, поговоришь с ним, и на душе полегчает. А ежели снова с тобой встретимся, посидим, за жизнь поговорим, наших стариков повспоминаем и помянем, царствие им небесное. Приезжай...

И ушёл. Взревел мотор, и машина, осторожно объезжая ямины, медленно направилась в проулок.

Иван долго сидел на крыльце. Часто курил, но бутылка осталась нетронутой. Пить не хотелось. Он смотрел на деревню. Нет, на то, что от неё осталось. Сидел на крыльце и вспоминал. Детство своё вспоминал. Деда и бабушку, а когда лето наступало, к ним приезжали гости. Тётка Дарья с мужем и оравой ребятишек, которые словно саранча сметали со стола всё, что приготовили, а потом мчались на речку, а тётка выскакивала и кричала вслед: «Если утонете, домой не приходите». Иван приставал, как можно прийти, если утонул? И никому покоя не давал, просил, чтобы объяснили – как. А дед сидел с бабушкой и посмеивался над ним. А потом бабушка звала тётку Дарью за собой. Следом мать торопилась. И они отправлялись полоть грядки или картошку окучивать. А тёткин муж, Иван уж забыл, как звали его, брал топор и колун, уходил к бане и начинал колоть дрова. Только слышно было, как он ухал, да поленья в стороны разлетались. За день огромную поленницу готовил. Здоровый мужик был! А потом баню топил, и они с дедом Николаем парились. Иван с ними не ходил. Жарко, аж уши в трубочку сворачивались, как посмеивался дед. А они парились. Долго бывали в бане. Выйдут, опрокинут на себя по ведру холодной воды и снова в парилку, а бабушка опять полные ведра ставит. Знала их привычки. А потом, когда все возвращались из бани, до полуночи просиживали за столом. Бабушка доставала бутылку. Дед неторопливо разливал по рюмкам. Выпивали. Снова наливал. И опять выпивали. Потом долго пили чай и разговаривали. О чём говорили? Да обо всём и о жизни – тоже. А Иван засыпал за столом. Прислонится к деду, слушает разговоры взрослых, а бывало, что они песни пели, и не замечал, как засыпал...

Иван невольно оглянулся, когда ему показалось, что возле бани раздался стук топора и уханье. Оглянулся, и снова показалось, что на картофельном поле замелькали косынки, а вдалеке раздавались голоса двоюродных братьев и сестёр. И казалось, сейчас дед махнёт рукой и громко крикнет, чтобы все возвращались домой. Иван словно вернулся в далёкое прошлое и снова увидел всех: деда и бабушку, тётку и семью, даже собаку Альму увидел, словно она сидит возле крыльца и ждёт, когда ей вынесут косточку. Со всеми повстречался, и на душе легко стало, словно тяжёлый груз скинул.

А теперь ни деда с бабушкой, даже могилки не осталось после них. Давно уж матери нет, как и тётки Дарьи с мужем, их дети поразъезжались по всей стране, и столкнись с ними на улице, мимо пройдёшь и не узнаешь. Оторвались они от родного дома, оборвали пуповину и разлетелись по всему свету, а вот вернутся ли в родной дом, никто не знает и они — тоже...

Иван вздохнул и устало растёр ладонями лицо. На душе была лёгкая грусть, но в то же время — радость. Радость оттого, что побывал в деревне, побывал в родном доме, с которым так и остался связан пуповиной, и повидался со всеми, кто был в его далёком прошлом.

Солнце на закат повернуло, когда он поднялся. Снова подошёл к дому. Раскинул руки, словно хотел обнять его. Прислонился. Крепко прижался и вдохнул глубоко, а запах был родным и близким. А потом повернулся и направился по едва заметной колее в сторону дороги, но тут же невольно оглянулся, когда позади раздался голос:

– Ванюшка, поди-ка сюда. Сговоречни будем делать. Ты же у меня самый главный помощник. Поди сюда, внучок...

И снова показалось, что услышал голос деда.

И он медленно пошёл. Пошёл в сторону проезжей дороги. Иван шагал по заросшей колее, а на душе его была радость, словно на самом деле побывал в гостях. Иван чувствовал, что теперь будет частенько приезжать в родной дом, потому что неразрывно связан с ним крепкой нитью. И поэтому на душе было светло.

День радости

Казалось, жизнь никогда не изменится, и всё в ней будет идти своим чередом. У всех было прошлое и настоящее, и не нужно заглядывать в завтрашний день, в далёкое будущее, которое было расписано на долгие годы вперед, но грянула перестройка. Слово-то какое непривычное появилось — перестройка, от которой привычная жизнь с ног на голову перевернулась. Многие растерялись, не зная, что делать, а другие, кто оказался пошустрее и хитрее, кинулись перестраиваться. Кто был никем, тот стал всем. Кто с чем работал, то и поимел. Один гайку в карман положил, а другой стал хозяином предприятия. Оба довольны, а разница огромная. Приватизация, бартеры, кооперативы и много всего появилось в жизни. Одна только гласность чего стоит. Слово-то какое громогласное! Выходи на трибуну и из матушки в мать поноси всех и вся, начиная от простого работяги и заканчивая правительством, и тебе ничего за это не будет, потому что в стране гласность. В общем, всё так и должно было случиться в стране, где люди стали на головах ходить, где жизнь перевернулась и не один раз, а сколько еще перевернется — это никому не известно, потому что искрой послужила перестройка, а когда возгорится пламя и что из этого получится — никто не знает, но все уверены, что пламя еще не один раз польхнет. Вроде жили одинаково, а когда разрешили почти всё, почти каждый постарался ухватить свой кусок. Одним достался кукиш с маслом, а другие принялись приватизировать всё, что можно было и нельзя, и сразу пошло разделение на бедных и богатых, на честных, которые жили на трудовые доходы и этим гордились, но опускались все

ниже и ниже плинтуса, и всяких жуликов и бандитов, которые купались в роскоши, имея всё, вся и всех, но у многих из них жизнь оказалась короткой: от порога и до кладбища. За всё нужно было платить, а за сладкую жизнь тем более. И расплачивались своими жизнями. А еще словно грибы после дождя появились особи нетрадиционной ориентации и гордились этим, вышагивая по улицам в нарядах петушиной расцветки, а уж о проститутках и говорить нечего — этого добра развелось, как грязи в дождливый день.

Да много было всяких разделений, всё не упомнишь. Лишь в семейной общаге казалось, что перестройка никого не коснулась. Работали, как и раньше. Женились или выходили замуж и рожали детей, как обычно бывает в семьях. Вечерами мужики собирались в курилке и, пользуясь гласностью, начинали спорить до хрипоты, если дело касалось политики. Ведь каждый человек — это специалист по внешней и внутренней политике не только своей страны, но и всех мировых держав, включая самые отдаленные, отсталые и малоизвестные. И каждому в курилке или на кухне было виднее, что нужно делать в государстве, что он сделал бы, если бы стал президентом. Ну и так далее... В общем, спорили, как обычно. Правда, со временем в стране работы стало гораздо меньше, зато появились многочисленные праздники, и народ стал пить куда больше и разнообразнее, чем до перестройки, а остальное всё, как всегда...

Город отмечал очередной праздник. Широко отмечали, но далеко не радостно, как прежде бывало, зато с размахом, так уж повелось в народе, который как бы перестал заглядывать в далекое будущее, а предпочитал жить сегодняшним днем. Да провались земля и небо, мы на кочках проживем! Живи одним днем и не думай, что будет завтра, потому что будет день и будет пища. И отмечали праздники. Правда, каждый отмечал по деньгам своим. Одни простенько — бутылка и какая-нибудь закуска. А у других столы ломились от бутылок и всякой снеди. И всё это, правда, не у всех, привычно сопровождалось застольными песнями, танцами под радиолу или под включенный телевизор, где всюду крутили иностранные клипы с полуголыми девицами, которые раньше были запрещены, а сейчас, пожалуйста, на любой вкус и цвет. Но бывало, за столом вспыхивали скандалы, и тут уже не обойдешься без драки. Выясняли отношения тут же за столом, и тогда на пол летело все, что можно было уронить, а если повезло, драчунов выталкивали в коридор, где они уж давали волю своим кулакам на потеху соседям. Правда, тоже не у всех случались драки, но все же без них ни один праздник не обходился. Какой же праздник да без мордобития, а уж в общаге — тем более...

— Ну, Тонька, зараза такая! — по коридору разнесся зычный протяжный голос. — Вроде девка умная, а всё неймется. Взяла привычку себя жизни лишать. А на этот раз кто виноват? Ну и что, что подралась, обидчивая наша? Тебе не впервой по роже получать. Могла бы потерпеть. Вы, бабы, народ дурной. Вместо того, чтобы башкой думать, сначала кулаки в ход пускаете. Отсюда вся беда. Ну, подрались, а зачем вены-то резать — этим никому и ничего не докажешь. А ежели невтерпеж отправиться на тот свет, тогда бы уж резала на другом этаже, а еще лучше, рядом с больницей или дурдомом, чтобы недалеко было тащить, а ты своей кровью весь умывальник изгваздала. Ладно бы резала, как другие режут — чиркнули и на небеса отправились, а она исцарапает всю руку вдоль и поперек, мало того, что сама в крови, так еще все стены и полы измажет, а потом с гордостью заявляет, что сводила счета с жизнью. О, дура! Мужик тебе нужен, чтобы в ежовых рукавицах держал, а то разбаловалась. А почему подрались? О, как, посмотрела на чужого мужика, и поэтому подрались. Да было бы из-за кого! Мужиков в наше время в три ряда до Берлина — выбирай любого. Если захочешь, даже принца на белом коне встретишь. Прямо, как в кино. Правда, осталось принца и коня найти. Хе-х! — и снова разнесся зычный голос. — Тетка Дарья, айда на помощь! Бинт прихвати. Опять наша раскрасавица сводила счета с жизнью. Что-что... Ничего нового, всё, как обычно. На чужого мужика гля-

нула, и подрались. Вот меня, к примеру, боженька ничем не обидел, а что-то девки не дерутся. Видать, чего-то во мне не хватает. Наверное, ума маловато или денег – не знаю... Эй, Марь Василевна, прихвати швабру, нужно умывальник протереть. Там кровящи, словно фильм ужасов снимали! Ребятишки перепугаются, ежели увидят. У, сама дохлая, как лисапед, наша Тонька, а откуда столько крови натекло – не понимаю. Эй-эй, ты что это, а? Тонька, слышь, очнись! На меня посмотри, на меня. Не закрывай глаза. Сейчас помогу...

И Николай, огромный, как в высоту, так и в ширину, закричал и подхватил пьяную Тоньку, которая сидела возле стены. Она засопровтивлялась, но следом обмякла. Николай взвалил её на плечо, придерживая за ноги, цветастое платице задралось, и оголилась задница, выставляя на всеобщее обозрение съехавшие трусы в веселую ромашку под разодранными в драке колготками, и зашагал по коридору.

Откуда-то доносилась ругань. В другой комнате пели песни. Вразброд, кто как мог, но главное – дружно. А оттуда слышался хохот. Видать, за праздничным столом анекдоты травят. А где-то уже начали скандалить. Того и гляди раздерутся. По коридору носятся ребятишки. Шум и гам, но никто не гоняет их. И отовсюду запахи – спиртного и еды. Всё, как обычно, – праздник...

Марь Василевна вышла из комнаты, поправляя синий застиранный халат, и оперлась на швабру, наблюдая за соседом.

– У людей праздник, а Тоньке нейдет, будто в другой день не могла покончить с собой. А мне мучайся, убирай за ней, а зарплату одну плотют и за работу в праздничные дни ни рубля не добавляют, – и тут же перепрыгнула с одного на другое. – Ничего с нашими малаями не случится. Их ничем не проймешь, – заворчала она, поглядывая на соседа. – Они сами, кому хошь, кровянку пустят – это же общежитская шпана растет, а не маменькины сынки. Мимо общежития прохожие опасаются ходить – или отлупят, или снасильничают. Эх-хе, настали времена, растуды вашу мамашу и всех ее родственников! Раньше хоть милицию боялись, тока крикнешь, что милиция едет, сразу разбегались, а сейчас ничего не боятся, ни боженьку, не черта. Видать, жизнь такая настала – шалопутная... – и тут же крикнула. – Колька, а что ты тащишь её мимо своей комнаты? Волоки к себе, пока пьяная. Потом скажешь, что женились, а мы подтвердим. Глядишь, сговоритесь. Ведь ты же холостякуешь, а она – девка хорошая и работающая, но дура душой!

И уборщица засмеялась, а потом тяжело завздохала.

– Ей принца подавай, – пропыхтел Николай. – А я тока в носильщики гожусь. Она пьет, а мне таскать приходится. Разделение труда, как говорил Карл Маркс, если не ошибаюсь.

Он как бы подкинул ее на плечо, поправляя Тоньку, и шлепнул широкой ладонью по тощей заднице.

Уборщица закатилась, хлопая ладонями по ляжкам. Мимо нее, пригибаясь при каждом шаге, словно кланяясь или от кого-то прячась, юркнула невысокая худенькая, больше похожая на девчонку, тетка Дарья в линялом платье, большой кофте, обвисшей на плечах, и в тапках не по размеру. Она шлепала по грязному полу тапками и держала в руках бинты, вату и какие-то пузырьки.

– Колян, что с ней возишься? – забасил лохматый, словно обезьяна, подвыпивший мужик, поддергивая сползающее трико на округлом животе. – Скока можно нянькаться, а? Сдохнет, туда дорога... Ишь, взяла моду заниматься самоубийствами! Брось, кому сказал! Вот прямо в коридоре возьми и брось, и пусть валяется, пока не очухается, А сам айда ко мне. Праздник отметим. У меня бормотушечка стоит. Хряпнем по стаканчику, чтобы душа запела. Айда, Колян, пока моя змеюка не вернулась, а то расшипится! У всех бабы как бабы, а моя змеиной породы оказалась. Эх, непруха! Искал себе царевну-лягушку, а повстречалась дочка Змея Горыныча. Так же шипит, как папа родной, только пламя изо рта не вырывается. Вот и мучаюсь. Айда,

Колян, продезинфицируемся от змеиных укусов!

Он едва выговорил длинное слово, звонко щелкнул по горлу, махнул рукой и скрылся в комнате.

В Тонькиной комнате бардак. Прихожка отгорожена старым шифоньером. В этой прихожке, как во всех общагах, с обеих сторон находятся два встроенных шкафа. В одном, как обычно, вещи висят, а в другом держали посуду и всякую мелочь.

Николай плечом отодвинул занавеску на входе. Протиснулся между шкафом и обеденным столом, на котором стояла грязная посуда. Одна табуретка притулилась в углу к низкому небольшому холодильнику – это память о хороших временах, а вторая валялась под ногами. Николай отшвырнул ее ногой. Прошел к продавленному дивану, над которым висел простенький коврик, уложил Тоньку, сунул под голову подушку, поправил ей спутанные волосы и вздохнул, вытирая крупные капли пота.

– Вроде тощая, как камбала, а тяжеленная – страсть! – сказал он и помахал ручищами. – Все руки оттянула, пока дотасил. Помочь, тетка Дарья? – сказал он, наблюдая, как щупленькая соседка хлопотала над Тонькой, потыкала нашатырку под нос и принялась осматривать руку, промывая раны водой. – А, ну ладно, занимайся. Я покурю, потом загляну.

Он достал из кармана помятую пачку сигарет, вытащил одну, ткнул в уголок рта и, прикуривая на ходу, вышел из комнаты, попутно шугнул ребятишек, которые расшумелись в коридоре, и пошел к окну, где, подпирая стены, стояли несколько человек, скрываясь в сизом тумане табачного дыма...

– Везет тебе, Николай, – хохотнул парень в тельняшке, на плече которого была большая татуировка. – Как пойдешь в умывалку, обязательно на Тоньку натыкаешься. Не иначе, она специально тебя поджидает, чтобы такой бугай, как ты, на руках ее носил. О, везет же девке! Ты скажи ей, как оклемается, чтобы вены не резала, а сразу к тебе бежала, когда захочет, чтобы ее на руках поносили. Я бы на твоём месте давно бы того самого...

Он неопределенно покрутил в воздухе рукой и хохотнул.

Соседи, стоявшие на перекуре, вразной засмеялись. Один поплевал на окурок, бросил в ведро, стоявшее в углу, подтянул трико и пошлепал по коридору, сверкая грязными пятками. Даже не сверкая, а отсвечивая, что ли...

Пошатываясь, следом за ним еще один отправился. Видать, лишку выпил, но сегодня можно. Праздник же...

Сегодня праздник. Все гуляют. Вся страна отмечает и общага – тоже.

Правда, в праздниках стали путаться. Раньше по пальцам можно было пересчитать, а сейчас на руках и ногах пальцев не хватит, чтобы праздничные дни запомнить. Скажут на работе, что завтра не нужно выходить, потому что в стране объявлен очередной праздник, чему-то или кому-то посвященный. И никто не выходит. Все сразу же отправляются в магазины, чтобы затариться спиртным, как по талонам, так и у барыг прикупить – любое, лишь бы горело, как говорится. Каждый брал по деньгам своим. Даже стеклоочиститель и клей БФ закупали. Дешево и сердито!

– Работаешь? – сосед в тельняшке взглянул на Николая. – Везет же вам! А нас предупредили, что с первого числа будут сокращать. А с кого начнут? Как обычно, с простых работяг. Управленцев трогать нельзя, потому что без них предприятие развалится, а рабочий... Что рабочий? Таких, как мы, целая страна. Да уж, выгонят, а куда пойти, даже не знаю... – он пожал плечами и нахмурился. – Работали, горя не знали, а сейчас... – он замолчал, потом вздохнул. – А сейчас утром поднимешься и не знаешь, чем обрадуют на работе. Вечером вернешься, и тоже одни мысли в башке, что утром будет. А начнешь права качать, сразу выставят за ворота, и никуда не устроишься. Вот тебе и перестройка с ее свободой, гласностью и громогласностью, мать вашу так и еще вот так!

И сосед витиевато выругался.

– У нас пока молчат, но, скорее всего, тоже попрут за ворота, – Николай подернул трико, затянулся и сплюнул в ведро, стоявшее возле окна. – Слухи ходят, наше предприятие хотят выкупить. Какой-то ухарь с деньгами объявился. Хочет приватизировать завод, оставить два-три цеха, которые приносят основную прибыль, а остальное закроет за ненадобностью. Это же сколько рабочих за воротами останется – ужас! И откуда у хмыря такие деньжищи появились, чтобы завод выкупить, а?

– Откуда-откуда... Наворовал, вот откуда, – буркнул сосед в тельняшке. – Сейчас всё продается и покупается. Мы гайку или горсточку шурупов возьмем домой и трясемся, что охрана поймает, а такие, как этот хмырь, воруют вагонами. Воруют и знают, что за это им ничего не будет. Чем больше ворует, тем меньше дают. Потому что вся страна развалилась. Потому что некому народное добро охранять. Одни сами ушли, а кто остался, тот не успевает жуликов ловить. Сейчас всякого ворья развелось, как блох у собаки. Продают все, что можно продать. Здесь утащил, там продал. Оттуда украл, в другом месте столкнул. А денежки в карман положил. Сейчас барыги на всем деньги делают. Сам посуду, в выходные сюда приезжают видики показывать в красном уголке. Один из них – мой знакомый. Смеется, пусть дураки кайлом машут, а я деньги из воздуха буду делать. И делает, сволота! Скинулись с другом, купили видик, набрали всяких кассет и мотаются по общагам. Смеется, говорит, что самый большой спрос на порнуху. Правильно! Раньше за это можно было в тюрьму угодить, а сейчас не боятся. Показывают, и деньги не ручейком, а рекой полноводной в карманы текут. А мы как пахали, так и будем пахать, пока не сдохнем на этой проклятой работе или пока с голоду не помрем, если выгонят. А все потому, что мы не умеем воровать и торговать да народ обманывать. Не приучены и поэтому живем ниже плинтуса. Вот так!

Он ткнул пальцем в пол, выбросил окурочек и со злостью сплюнул в ведро.

– Да, много беды от этой перестройки, – задумавшись, сказал Николай. – Сначала один взялся страну разваливать, а потом другой к власти пришел. И затрещала страна по швам. Были братьями, а стали врагами. Как же так, Иван? – он взглянул на соседа в тельняшке. – Раньше последним куском хлеба делились, а сейчас готовы друг другу горло перегрызть. За что, спрашивается? Эх, правители – руководители! Так наруководили, что от страны одно название осталось. Хотя и его нет...

И нахмурился, махнул рукой.

Кто-то из соседней чертыхнулся, вспоминая эту перестройку. Харкнул в ведро. Бросил окурочек и пошлепал по коридору.

Следом за ним, неожиданно загорланив песню, зашагал другой и, распахнув комнату, откуда доносилось нестройное пение, скрылся.

Праздник продолжался...

Николай стоял возле окна, посматривая на улицу. Мимо окон проходил тротуар, по которому то и дело торопились прохожие. Рядом была еще одна общага. Тоже семейная. Окна нараспашку. Там и сям слышна музыка. То в одном окне, то в другом мелькали жильцы. Наверное, тоже праздник отмечают. А что еще делать в наше время – тока праздновать. Видать, правительство решило праздниками народ отвлекать от всяких ненужностей. Чем больше пьют, тем меньше думают и быстрее сдохнут. Один виноградники вырубал и борьбу с пьянством устраивал, а другой на это глаза закрыл – пей – не хочешь! Здесь жрать не на что купить на такую зарплату, которую месяцами не видишь, зато спиртное можно взять, если не в магазинах, то у барыг, которые торгуют водкой и самогонкой. А самогонщиков развелось – ужас! Казалось, все, кому не лень, взялись за самогонные аппараты и гонят с утра до вечера, и пьет народ с утра и до утра. Насобирали по карманам мелочь. Купил бутылку и бежишь домой. А дома хоть шаром покати. Мышь в холодильнике повесилась, зато бутылка на столе. И люди пили. Кто с горя, что жизнь не удалась. Кто от безденежья,

хотя на бутылку всегда находили. Кто от беспросветного будущего, где со страхом ждали завтрашний день. А кто от радости, что в голодной, но богатой стране, где люди с копейки на копейку перебиваются, он икру ложками жрет, коньяком запивая, и ворованные деньги в зарубежные банки переводит, обеспечивая безбедное будущее не только себе, но и внукам, правнукам и праправнукам. Кто как ворует, тот так и живет, можно сказать...

– Колька, иди сюда! – донесся голос соседа. – Айда ко мне, пропустим по стаканчику. Ведь праздник же. Надо соблюдать традиции...

– Да пошел ты со своим праздником, – неожиданно вспылил Николай. – Здесь думаю, что пожрать завтра, а у тебя бутылка на уме.

И отмахнулся.

– Будет день и будет пища, как говорится, – хохотнул сосед. – Нет, не так сказал... Будет день и снова пьянка. Так вернее сказано. А что еще делать, Колян? Выпил и забылся. Выпил, и мир разноцветным стал. Выпил, и все дурные мысли вылетели из башки. Выпил и... подох! Ну и ладно. На том свете будет что вспомнить.

И сосед снова хохотнул и скрылся в комнате.

Николай выбросил окурочек и зашагал по коридору. Он собрался заглянуть к Тоньке. Жалко девку. Молодая, красивая, но жизнь пошла наперекосяк. Она появилась в общежитии при Николае. Приехала с молодым мужем после института. Радовалась. Семейное гнездышко устраивала. Пылинки с мужа сдувала. Чуть ли не с ложки кормила. А готовила так, что все женщины общежития завидовали, а мужики заглядывались. Вот уж досталась охладому такая красавица, и в мечтах заходили так далеко, что... Но Тонька без ума была от своего благоверного, а на других даже не смотрела. А еще она ребеночка ждала. Казалось, живи и радуйся, а муж схлестнулся с буфетчицей, с разбитной Нинкой, которая в постели была акробаткой и делала все, что душа пожелает, и она увела его из семьи, а вскоре вообще уехали и адреса не оставили. А Тонька-то беременная осталась! Руки опустились. Жить не хотела. Говорят, беда не приходит одна. Не успела в себя прийти, снова несчастье. В душ пошла и поскользнулась. Упала. Роды преждевременные. Ребенка не смогли спасти. Был бы ребенок, может, все было бы нормально. А тут и мужа лишилась, и ребенка потеряла. И Тонька сломалась. Не заметили, как запила. Замкнулась после свалившейся беды. Ни с кем не общалась. Придет с работы, закроется, и всё на этом. Утром снова на работу, а вечером промелькнет, и словно ее не было. У всех свои заботы. И не заметили, что к Тоньке стали приходиться подруги, которые без бутылки за стол не сядут. А где выпивка, там и скандалы. И пошло-поехало. И Тонька слетела с катушек...

Николай вздохнул. Он жалел Тоньку. У них судьбы были схожие. Жену после института отправили по распределению. И он вместе с ней поехал. Все же семья, что ни говори. Вместе поехали. Она убивалась, что в такую глухомань отправили, словно в ссылку, а она думала, что в столицу попадет или, в крайнем случае, – это Ленинград, где жизнь бьет ключом, где культура, где... но ошиблась. Отправили, где Макар телят не пас. Жена задурела. Всё ей не так, все не эдак. Ладно, Николай уговорил, что отработают и обязательно поедут в столицу. Вроде жена согласилась. Приехали. Дали комнату в общежитии. И квартиру обещали. Она в управлении стала работать, а он пошел слесарем в ремонтный цех. Вроде жизнь стала налаживаться. Николай радовался. Вроде жена успокоилась. Но не тут-то было! Полгода не прошло, она собралась вещи и умотала в столицу. Не обидно было бы, если бы посоветовалась с ним, а она втихомолку. Пока он был на смене, жена умчалась. Лишь коротенькая записка на столе, чтобы ее не искал. У него руки опустились. Вот она какая – эта любовь, про которую говорят, что ради нее люди горы сворачивают, а на деле все это вранье и не более того. Если бы любила, не сбежала бы. И Николай сорвался. Недели две не просыхал. Ладно, с работы не выгнали. Пошли навстречу. Понимали, трудно ему. Но с той поры Николай зарекся, что ни одну девку к себе не подпустит, потому

что от них один вред и ничего более...

Он понимал Тоньку, как никто другой. Ему полегче. Он остановился, когда с катушек слетел. Тяжело было, казалось, каждый встречный-поперечный пальцем в него тычет, и за спиной шепчутся, а людские языки – злые, меньше правды скажут, зато приврут с три короба. Но все же Николай переломил себя. Правда, пришлось некоторых проучить. Одни на словах поняли, а другим и кулаком пришлось вколачивать, чтобы не совали свой нос туда, куда собака не сует. Но обратно Николай не уехал. В родном городе некому было ждать. Родной город. Как бы поточнее сказать... Город, где вырос в детдоме. Потом устроился на работу, а там армия. Отслужил. Вернулся. И на танцах свою будущую жену встретил. Она маленькая и тоненькая, словно тростинка, а он был огромным, что в высоту, что в ширину. Великан, можно сказать. И сошлись две половинки, но только не смогли прирасти друг к другу. У каждого был свой взгляд на эту жизнь. И у каждого была своя тропка в ней. Вот жена и умчалась по своей тропке, чтобы создать жизнь, о которой мечтала, а получится ли создать – он не знал, потому что у жены запросы были большие, что не каждый мужик осилит...

Николай не уехал. Остался. Квартиру не дали. Он не молодой специалист, да он и не просил. В общаге было лучше и привычнее. Вся жизнь в детдоме, потом армия, а следом сюда приехали, и опять общага. Здесь ни от кого ничего не скроешь. Вся жизнь на виду. Каждый друг про друга знает. Не успеешь подумать, а на другом конце коридора уже советы дают. Вроде всё на виду, а Тоньку прозевали, когда она с катушек слетела. Нужно было поддержать, а они опоздали. Зато подружки хорошо поддерживали, наливая в рюмку. Не успели оглянуться, Тонька сорвалась. И загуляла. Так загуляла, дым столбом!..

– Николай, поди сюда, – дверь приоткрылась, и показалась маленькая юркая тетка Дарья. – Очухалась твоя красота. И что с ней возишься – не понимаю. Бабу от пьянки отучать, только время тратить.

И, поджав тонкие губы, снова скрылась в комнате.

Николай заторопился. Отовсюду доносились голоса. Звучала музыка. В коридоре повис плотный запах еды вперемешку с табачным облаком, которое колыхалось словно живое, медленно расползаясь по коридору, и казалось, протяни руку, и можно его потрогать, до такой степени оно было плотным.

– Кыш... Кыш, огольцы! – рявкнула Марь Василевна, когда мимо нее промчалась стайка ребятишек. – Ишь, разорались, словно грачи по весне. Идите на другой этаж. Там шумите, хоть на головах ходите, а здесь будете носиться, отлуплю вас и не посмотрю на родителей. Ну-ка, марш отселева, покуда тряпкой по задницам не надавала!

И взмахнула грязной половой тряпкой.

Ребятня взвизгнула и, топоча, помчалась к лестнице, опасливо пробегая мимо мрачной уборщицы, которая стояла с грозным видом возле своей комнаты и в руках у нее была тряпка.

Тонька сидела на диване. Видно, еще не протрезвела. Вяло отмахнулась от наштайки, которую совала под нос тетка Дарья, охнула, схватившись за голову, взглянула на Николая и опустила голову, уткнувшись взглядом в пол. А потом снова улеглась на диване, отвернувшись от них, и затихла.

– Тонька, тебе не надоело в рюмку заглядывать? – забасил Николай, остановившись посреди комнаты. – Пора бы уж за ум взяться. Ведь сдохнешь, или пришибут. Взгляни, на кого стала похожа...

И ткнул пальцем в нее.

– Я занимаюсь полезным делом, уничтожая спиртное. И мне никто не может запретить. Кто ты такой, Колька? Что ты покоя не даешь мне? Пристал, как банный лист, и не отцепишься. Понравилась, да? Так возьми пузырек и приходи. Обслужу по первому разряду. Деликатесов не обещаю, но закусить найдется, – и она криво усмех-

нулась. – Я сейчас любому в любви признаюсь, если похмелит меня. У, голова раскалывается!

Она схватилась руками за голову и чуть ли не заскулила, раскачиваясь на диване.

– Дура, как есть дура, – забасил Николай. – В любви она признается... Кому ты нужна такая? Была же нормальной девкой, а сейчас...

И Николай махнул рукой.

– Была бы нормальной, мужик бы не сбежал. И вообще, не твоя печаль, какой я стала. Это не я, а жизнь меня такой сделала и вы – мужики, которым ничего больше не нужно, как в постель затащить, а я, может, хочу, чтобы меня любили, чтобы всё было, как у людей, чтобы... Эх, вам не понять, – выкрикнула Тонька, уселась на диване, схватившись за край. Видать, голова кружилась. А потом поднялась и, не обращая внимания на Николая и тетку Дарью, направилась к двери. – Тоже мне, учителя нашлись. Один смотрит, как бы в постель затащить, а другая жизнь прожила, а всё мечтает мужичка захомутать. Кольцо на палец, хомут на шею, да, тетка Дарья? И чем вы лучше меня, а? Да, ничем! И вообще, пошли отсюда.

И Тонька ругнулась. Разлохмаченная, юбка съехала набок, колготки в дырках. Сквозь лохмы на лице виднеются синяк и ссадины от ногтей – это она подралась. На мужика взглянула, а подруге не понравилось, ну и выяснили отношения. Тонька ткнула ноги в тапки. Дрожащими руками открыла дверь и словно зомби зашагала по коридору.

– Вот и делай добро, – зашепелявила тетка Дарья, а потом принялась собирать свои пузырьки и свертки. – К ней, как к человеку. Спасаем от смерти, можно сказать. А она оклемалась, всяко обозвала, на три веселых буквы послала и снова подалась приключений искать на свою тощую задницу, – а потом взглянула на соседа. – Колька, ты же холостякуешь. Что каждый раз таскаешь её? Возьми и женись на ней! Может, получится отучить от пьянки? Глядишь, девка хорошая. Вроде умная, в институтах училась, а жизнь не складывается. Один раз обожглась и покатила под откос, а виноват весь мир, кроме нее. Другая бы задумалась, а эта всех виноватит, кроме себя.

– Знаешь, тетка Дарья, у меня желания нет еще раз обжигаться, – он провел ребром ладони по горлу. – Вот так одного раза хватило. А что хорошего, если с Тонькой сойду? Каждый день на ее поиски отправляться или к батарее приковать, чтобы носа из комнаты не высовывала? Не спорю, девка хорошая. Помню, какой была, когда с мужем приехала, но скатилась – ниже некуда, а вытаскивать ее отсюда и направлять на путь истинный – я не священник и в церкви не служу. Пусть они учат Тоньку, а меня уволь.

И отмахнулся.

– Только и живешь для себя, как бирюк. Обжегся он... Молодой еще, чтобы обжигаться. Жизни не видел, а уже туда же, – тетка Дарья исподлобья взглянула на соседа. – Она пьет, а ты капли в рот не берешь, но живете одинаково. Никакой пользы от вас. Переводите добро на...

Тетка Дарья не договорила и сплюнула. Сгорбилась, словно хотела от всех, от всего мира спрятаться и, мелко перебирая ногами, выскочила за дверь и зашлепала в свою комнату.

– Ну вот, я виноват, что Тонька пьет, – забасил Николай вслед соседке. – О, жизнь пошла! Нашли крайнего...

Николай чертыхнулся. Подошел к окну. Открыл раму. Закурил, навалившись на подоконник, и посмотрел на улицу. Напротив тоже общага. И там есть два этажа, где семейные живут. Оттуда тоже доносились возгласы и музыка. А на верхних этажах чуть ли не из каждого окна гремит музыка. И следом за ней разносятся голоса – это парни с девками переговариваются. Как весна начинается, так до поздней осени

идет переключка. День ли, утро, ночь-полночь, им наплевать. Так орут, что эхо раздается. Молодые еще. Живите и радуйтесь, а обожжетесь, по-другому запоете.

Николай сплюнул и снова чертыхнулся. А он старик, что ли? Такой же, как и другие, но уже записал себя в старики. А может, он побольше других повидал в этой жизни, что уж радоваться не хотелось. Напрочь отбила жена всю эту радость, когда сбежала от него. Стариком сделала, который, может, и хотел бы улыбнуться, да желания не было. Он отвернулся от окна. Настроения не было. Праздник, а на душе пусто. Раньше праздники вон как отмечали, а сейчас... А что сейчас? Так же отмечают, а может, еще похлеще. Гуляют так, будто последний день живут. Напиться и забыться. И мужики пьют, и бабы не отстают. Правда, от этих сегодняшних праздников никакой радости на душе не было. Возьми любой праздник, что раньше отмечали. Так к нему заранее готовились, а наступал, вот уж радость была. Душа пела. Хотелось всех обнять и расцеловать. И обнимались, и целовались – жизни радовались, потому что наступал долгожданный праздник, а не такой, как сейчас, – почти что ежедневный и нескончаемый для некоторых. Не успел один закончиться, а тут объявляют другой, а на календарь взглянуть, красным красным от чисел, от этих красных дней календаря. Гуляй – не хочу! Поэтому люди спиваются, погружаясь всё глубже в болото, а выбраться не получается, там и помирают. Вся жизнь с ног на голову перевернулась.

– Тыфу ты! – не удержался Николай и чертыхнулся. – Спаивают людей, а они мрут, словно мухи. Скоро выйдешь на улицу, и поздороваться не с кем будет, как в каком-то фильме говорилось. Правда, что не с кем, потому что весь народ в гроб загоняют, если не пьянкой, так еще чем-нибудь. Жизнь наступила, что быстрее сдохнешь, чем дадут нормально жить.

И снова чертыхнулся. Достал сигарету и задымил, нахмурившись.

В дверь стукнули, и на пороге появился не то парень, не то мужик с бутылкой в руках. По опухшей с похмелья роже трудно определяется возраст.

– Тонька, я пришел, – пьяно сказал он и, как был в грязной обуви, так и шагнул в комнату, лишь потом увидел Николая и удивленно посмотрел на него, а потом обвел взглядом пустую комнату. – Ты кто, братан? Может, я тоже присоединюсь, или нужно очередь занимать? Взносы вовремя внесу.

Он показал бутылку и пьяно заухмылялся.

– Пошел вон, – рявкнул Николай, и казалось, стены дрогнули от его баса. – Ты будешь первым в очереди, но на кладбище. Пошел, пока башку не оторвал!

И шагнул к мужику.

Пьяный мужик икнул, взглянув на огромного как в ширину, так и в высоту Николая, мотнул головой, уж не привиделось ли с похмелья, но тут же юркнул за дверь. Потом снова открыл. С недоумением посмотрел на Николая, откуда такое чудо или чудовище взялось, снова мотнул головой, глянул на номер комнаты, пожал плечами, с треском захлопнул дверь, и донеслись торопливые шаги.

– Вот и женись на такой, – буркнул Николай, прислонившись к подоконнику. – Потом всю жизнь будешь мучиться. Нет уж, лучше одному жить, чем швейцаром быть. Тыфу ты, с этой Тонькой уже стихами заговорил!

И снова уж в который раз чертыхнулся.

В коридоре шум. Хлопали двери. Доносились голоса. Слышался топот. Мужики тянулись в один конец коридора, где были курилка и мужской туалет. Пока мужики курили, женщины успевали вымыть грязную посуду, благо, что кухни были на обеих сторонах коридора. И оттуда доносились женские голоса. Вообще, кухня – это святое место для женщин, где они могли поругаться и помириться, открывали души друг другу, обсуждали свои проблемы, делились самым сокровенным, тут же жаловались на мужиков и выслушивали тысячи советов, как отомстить мужу, хоть книгу издавай, и здесь же делились рецептами всяких блюд. И получалось, наступал праздник, а

блюда почти у всех были одни и те же. Ведь общага – это большая семья, где помогают и ругают, где готовы поделить последним куском, но в тот же момент натывать носом, если заслужил. Это семья, а по-другому не скажешь...

Громыхнула дверь. Николай оглянулся. В комнату не зашла, а ввалилась Тонька. Покачиваясь, она смотрела на него и не видела, а может, просто не обращала внимания, кто в ее комнате может находиться, и ей было на это наплевать. Заходи любой, все равно воровать нечего, кроме старого хлама. Тонька постояла, пытается сконцентрировать взгляд на нем, и не получилось. Она махнула рукой. Сделала два-три неверных шага и, споткнувшись, грохнулась на диван. Застонала. Словно червяк заелозила, повернулась на бок, сунула кулачок под щеку, словно в далеком детстве, и засопела, чему-то улыбаясь во сне...

– О, зараза! – сказал Николай. – Ни копейки денег, а пришла пьяная. Правильно говорят, что свинья грязь всегда найдет.

Николай нахмурился, взглянув на нее. Тонька во сне была абсолютно другой. И морщинки исчезли, и лицо словно просветлело, и эта улыбка на губах, от которой тоже хотелось ей улыбнуться. И Николай сжал губы, когда непроизвольно улыбнулся в ответ. Сжал и нахмурился. Вот стоит перед ней, рассматривает, словно какую-то картину. Вроде ничего девка, лишь картину портили синяки да ссадины. Другой бы мужик никогда бы не подумал, что перед ним лежит девка, которая видела и прошла в жизни почти все, что только можно и невозможно. Другой бы так подумал, а Николай не мог. Сразу перед глазами вставали ее пьянки. И эти попытки покончить с жизнью, как она называла свои раны на руках. Надоело ей жить. Устала она от такой жизни. А может, и правда она устала? Николай снова нахмурился. Ведь девка умная. Понимает, что с ней происходит, а вернуться на прежнюю дорогу не получается. Слишком много друзей на ее пути было, которые помогли опуститься ниже плинтуса, а вот подняться – ни одного не нашлось...

Николай достал сигарету. Покрутил в руках, хотел было закурить, но, взглянув на Тоньку с ее безмятежной детской улыбкой на лице, поперхнулся, вышел в коридор, потихонечку притворил дверь и зашагал в дальний конец, где несколько человек вовсю дымили, и плотное облако табачного дыма нависло над ними, потихонечку расплываясь по коридору.

– С праздником, Колян! – протягивая руку, сказал тощий мужик в майке и застиранных трико, которые вот-вот спадут с него. – С каким говоришь? – мужик нахмурил и без того морщинистый лоб. – А хрен его знает, с каким праздником. Главное, что можно законно выпить, и за это ничего не будет. Айда, пропустим по рюмашке.

– Ай, не хочу, – поморщился Николай. – Заколебали эти праздники. Лучше бы зарплату вовремя давали, а то скоро на подножный корм перейдем. Сам пей, Матвей.

И с недоумением оглянулся, когда остальные соседи заготовали – пей, Матвей.

– Ну и ладно, мне больше достанется, – сказал тощий нескладный мужик. – Опрокину рюмашку, на диван завалюсь, фильмец позырю, а потом задам храпака и всё, праздник закончился. Жди следующего...

Он выбросил окурочек в окно, кивнул Николаю и зашлепал по коридору, на ходу поддергивая трико.

– Что не отмечаешь праздник? – сосед подтолкнул Николая. – Все гуляют, а ты трезвый.

– Не хочу, – отмахнулся Николай. – И в комнате сидеть надоело, и пойти некуда. Вышел на улицу. Немного прогулялся и вернулся домой. Вот и шляюсь по коридору. То покурю, то посижу, то в окно погляжу. Скукота!

И Николай громко и протяжно зевнул.

– Говорят, наша Тонька опять чудила? – хохотнул сосед. – О, не девка – огонь! И чего не хватает – не понимаю. Удивляюсь, как с работы не выгоняют. То прогуляет, то с похмелья. А ее держат. Не понимаю...

И сосед пожал плечами.

– Держат, потому что безотказная, – нахмурился Николай. – Любую работу дай, и она выполнит. Я видел, как она работает на конвейере. За ней здоровый мужик не угонится, а она справляется. А что стала в рюмку заглядывать, как говорится, так нужно подруг в шею гнать, которые приучили к бутылке. Выпей, Тонька, плакать перестанешь, и на душе легче станет, – передразнил Николай. – Вот и помогли скатиться.

Бросил окурочек в ведро и сплюнул.

– Правда твоя, Колька, – закивал сосед. – Подруги до добра не доведут. Слишком много советчиц нашлось, когда от нее мужик сбежал. Вот и насоветовали. Сами живут-поживают, а Тонька покатила... Эх, да что говорить-то!

И замолчал, махнув рукой.

– А я помню, когда Тонька приехала после распределения, наши бабы на кухню, как на курсы поваров ходили. Смотрели, что на этот раз Тонька приготовит для своего благоверного, – вмешался в разговор пьяненький сосед. – Наверное, так в ресторанах не готовили, как наша Тонька умела. Моя коброчка до сих пор некоторые блюда готовит, каким Тонька научила. Мы привыкли по-простому, что есть, то и ставим на стол, а Тонька всё с выкрутасами, все с выдумкой. Не хочешь, а попробуешь. А если попробуешь, уже не оторвешься. Эх, готовила, пальчики оближешь!

Сказал и причмокнул.

– Зато сейчас в холодильнике мышь повесилась. Глянул, полведра картошки и что-то еще из продуктов, и всё на этом, – буркнул Николай и рявкнул, заметив чужого мужика, который крутился возле Тонькиной двери. – Эй, доходяга, пошел вон, пока ребра не пересчитал! Ишь, повадились помощнички. Еще раз увижу, голову оторву по самые ноги. Понял?

И погрозил кулачищем.

Мужик взглянул и боком-боком подался к выходу. Юркнул в дверь и исчез.

– Тонька – девка хорошая, – завздыхал пьяненький сосед. – Я бы на свою коброчку поменял. К Тоньке нужен подход. А что я не так сказал? – он взвился, когда некоторые мужики хохотнули. – Как обожглась, всем перестала верить, а мужикам – тем более. Вот ты, Колька, с бабой разбежался. Сам же говоришь, что никому не веришь. Вот и Тонька не верит. А если бы к ней найти подход, эх, всю жизнь как сыр в масле будешь кататься...

– Эй, сыр с плесенью, – донесся басистый голос, и неподалеку от них появилась дородная высокая женщина в коротковатом халате, из-под которого торчали ногитумбы. – Ну-ка, живо домой! Сейчас я скалкой раскатаю тебя.

И погрозила крепким кулаком. Мужики, кутившие возле окна, расхохотались.

Пьяненький мужичок вздрогнул, когда услышал голос жены, и, пригнув голову, торопливо засеменил в комнату.

– Это не коброчка, а целая анаконда, – кто-то хохотнул, когда женщина скрылась в комнате. – Не успеешь глазом моргнуть, как проглотит.

Снова разнесся хохот по коридору, но тут же стих, когда с грохотом распахнулась дверь, и в коридоре показалась тетка Дарья. Она заметалась по коридору. Сначала кинулась на общую кухню, а потом, услышав голос Николая, развернулась и замахала руками.

– Колька, поди сюда, – тонким пронзительным голосом закричала она. – Где шляешься, ирод? Сказал, посидишь возле Тоньки, покараулишь, а сам...

И она снова махнула рукой.

Николай нахмурился. На душе стало нехорошо.

– Что случилось? – забасил он. – Тонька спала, когда я курить вышел.

– Так это... Беда пришла, – всхлинула тетка Дарья и, прижав руки ко рту, качала головой. – Тонька лишила себя жизни. Вот так взяла прямо и лишила! Всё, нет

нашей красавицы...

И завывала, раскачиваясь.

У Николая все оборвалось внутри. Он оглянулся на соседей, которые стояли, прислушиваясь к разговору, а потом кто-то из них толкнул его в спину.

– Что стоишь, Колька? Вдруг тетка Дарья ошиблась, – и снова подтолкнули в спину. – Может, еще живая наша Тонька. Беги!...

Николай помчался в комнату.

Мужики кинулись следом за ним.

Заскочил и мотнул головой, не поверив глазам. Ведь казалось, только что вышел, а Тонька уснула. И улыбка на ее лице была детской и безмятежной, словно она вернулась в далекое прошлое. А сейчас... Сейчас повсюду кровь, Тонька лежала на диване, рука в крови, а сама бледная, как стена.

– Тонька, – Николай кинулся к ней и принялся искать пульс на шее. – Тонька, дурная, что ты наделала? Тонька, слышь меня?

Он затормошил ее. Рядом охала тетка Дарья, а потом кинулась из комнаты и снова вернулась, держа в руках пузырьки и вату с бинтами. Сразу же запахло нашатыркой. Николай цыкнул на нее, чтобы затихла, и снова принялся искать пульс. И тут показалось ему, что под пальцами едва шевельнулась ниточка. Вроде немного, всего лишь толкнулась, но Николай закричал, выхватил из рук тетки Дарьи вату с нашатырем и принялся совать под нос Тоньке, пытаясь привести в чувство.

– Тонька, очнись, – то и дело повторял он. – Тонька, приди в себя. Открой глаза. На меня посмотри. Открой глаза. Рано еще уходить на тот свет. Ты еще жизни не видела. Поживи. Порадуйся жизни. Она не такая плохая, как тебе кажется. Тонька, живи, живи! – и развернулся. – А ты чего стоишь, тетка Дарья? Быстро вызывай неотложку! Живее!

И снова склонился над Тонькой, перехлестнул порезанную руку, пытаясь остановить кровь, и всё старался уловить дыхание и пульс.

Тетка Дарья кинулась в коридор, рывкнула на соседей, которые столпились возле двери, но все опасались заходить в комнату, заляпанную кровью. И мешали друг другу, заглядывая в нее.

Вскоре в коридоре послышался шум. Соседи расступились, и в комнате появились врач и медсестра. И тут же захлопотали возле Тоньки. Шприцы, уколы, нашатырка, что-то говорили друг другу, не обращая внимания на соседей, которые так и остались стоять в коридоре, и Николая, который прислонился к подоконнику и, казалось, даже дышать перестал, лишь бы не мешать врачам, лишь бы они спасли Тоньку.

И вскоре она вздохнула. Пусть вдох едва заметный, а Николай обрадовался. Он заметил, как порозовело лицо у нее. Дрогнули ресницы. И скатилась слезинка по щеке. У Николая сжало сердце. Жалко было ее – эту непутевую Тоньку. Нет, не непутевую... Тонька была же хорошей. Многие хвалили ее, а жизнь сломала, и подруги подтолкнули ее к краю болота, в котором она увязла, а выбраться не хватило сил. И она с каждым днем погружалась все глубже и глубже. И свести счеты с жизнью она специально хотела, потому что впереди будущего не было и не было рядом с ней человека, который поддержал бы ее, помог выкарабкаться и вернуться в нормальную жизнь. И чуть было не ушла...

– Вовремя позвонили. Еще бы немного и мы бы ничего не смогли сделать. В общем, мы забираем ее, – сказал врач. – Пусть немного в больнице полежит. Ее нельзя оставлять одну. А там будет под присмотром. Ничего, молодая, оклемается, – и оглянулся, нахмурился, заметив соседей, и шикнул, чтобы разошлись. – А мы пройдем с носилками по лестнице?

– Да не нужны носилки, – забасил Николай. – Я сам ее до машины донесу. Она же легкая словно перышко.

Он кинулся к шкафу, перерыл все полки, собрал документы и, как был в трико и футболке, осторожно подхватил Тоньку на руки и зашагал к выходу вслед за врачами.

Всплескивая руками, охая, вслед за ними увязалась вахтерша.

– Подождите, а вы кто такой? – сказал врач, когда Николай на руках вынес Тоньку, помог положить на носилки и сам же полез в машину скорой помощи. – Кто такой, спрашиваю? Посторонним запрещается. Без вас справимся. Документы оставьте, а сами уходите...

И, махнув рукой, склонился над Тонькой, осматривая руку, что-то сказал медсестре, и она опять стала готовить шприц.

– Колька, не оставляй меня... – едва слышно донесся голос, и Колька увидел, что Тонька приоткрыла глаза, а взгляд плавал, и она никак не могла зацепиться за него. – Колька, слышишь? Не оставляй. Я боюсь...

– Лежи, Тонька, лежи, – зашептал Николай. – Не оставлю, не бойся. Отдыхай, не разговаривай...

– Не мешайте нам, – уже раздражаясь, сказал врач. – Кто вы такой, спрашиваю?

– Я-то... – растерянно сказал Николай и оглянулся, словно искал поддержки, но рядом никого не было, кроме вахтерши. – Я это... гражданский муж. Можете спросить у вахтера. Да, тетя Мань?

Вахтерша удивленно посмотрела на него. Нахмурилась. Снова на него взглянула, а не шутит ли он, а потом быстро закивала головой.

– Правду говорит, чистую правду, – и продолжала кивать головой. – Вот те крест, касатик! Мужик ейный, самый что ни на есть гражданственный...

И она мелко и торопливо перекрестилась.

– Как же вы, гражданственный муж, не уследили за женой? Сам вроде трезвый, а она... Поругались, что ли? А, понятно. Ну, все в жизни бывает. Жизнь словно полосатая зебра, то черная полоса, то белая... Ладно, поехали с нами, – сказал врач, наблюдая, как Николай протискивался в машину. – Вы бы присматривали за своей женой. А то в следующий раз можем и не успеть.

И врач развел руками.

– Буду присматривать, – не сказал, а выдохнул Николай, сжимая в руках узкую ладошку. – Глаз с нее не спущу. Я не принц, конечно, и белого коня нет, но смогу удерживать её...

– Какой принц, причем тут конь – не понимаю... – с недоумением взглянул врач, и морщинки пробежали по лбу, а потом повернулся к водителю. – Поехали. Что-то сегодня много вызовов. Гуляет народ, а мы едва успеваем праздничные плоды пожинать...

Взглянул на Тоньку и устало вздохнул.

Машина, включив сирену, помчалась по улице.

А в городе продолжался праздник, столь привычный для всех, но для Николая этот день стал радостным...

